

А.Н. НЕСТЕРЕНКО

A.N. NESTERENKO

«СВИНЬЯ»: КЛИНООБРАЗНОЕ ПОСТРОЕНИЕ ВОЙСК ИЛИ ПЕРЕДВИЖНОЕ ПОЛЕВОЕ УКРЫТИЕ?

Современные трактовки боевого порядка
рыцарской кавалерии Средневековья

"PIG": WEDGE-SHAPED ORDER OF TROOPS OR MOBILE FIELD SHELTER?

Modern interpretations of the order of the Middle Ages' knight cavalry

Сведения об авторе. Нестеренко Александр Николаевич — доцент кафедры философии факультета социальных и гуманитарных наук Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (МГТУ), кандидат философских наук (Москва. E-mail: rockwool@list.ru).

Аннотация. В статье на основе анализа средневековых летописей и исследований зарубежных медиевистов рассматриваются современные трактовки тактического построения боевых порядков рыцарской кавалерии, получившего в отечественной историографии традиционное наименование «свинья» со времён Ледового побоища и Раковорской битвы.

Ключевые слова: боевой порядок «свинья»; Ледовое побоище; Раковорская битва; тяжёлая и лёгкая кавалерия; передвижное полевое укрытие; рыцарские походы; средневековые летописи.

Information about author. Aleksandr Nesterenko — Associate Professor of the Subdepartment of Philosophy of the Faculty of Social and Humanitarian Sciences, Moscow State Technical University (MSTU) named after N.E. Bauman, Cand. Sc. (Philos.) (Moscow. E-mail: rockwool@list.ru).

Summary. The article, on the basis of an analysis of medieval chronicles and studies of foreign medievalists, considers modern interpretations of the tactical order of the combat order of knight cavalry, which in the Russian historiography has received the traditional name "Pig" from the time of the Ice Battle and the Battle of Rakovor.

Keywords: combat order "Pig"; Ice Battle; Battle of Rakovor; heavy and light cavalry; mobile field shelter; chivalrous campaigns; medieval chronicles.

Отечественная историография утверждает, что летописное построение «свиньей», которым рыцари атаковали в ходе Ледового побоища и Раковорской битвы, — это острая колонна. При этом упускается из виду, что кавалерийская атака в таком строю невозможна, а главное наступательное оружие рыцаря — копьё наиболее эффективно могло применяться только при атаке линией. Современные исследования позволяют с большой долей вероятности предположить, что под термином «свинья» средневековые летописцы подразумевали либо атакующих лавой, скачущих стремя к стремени с копьями наперевес всадников, либо передвижное полевое укрытие.

УПОМЯНУТОЕ в летописи построение «свиньей» («кабаньей головой») в качестве глубокой кавалерийской колонны, предназначенной для прорыва вражеского строя, прочно вошло не только в отечественную историографию, но и в массовую культуру. К примеру, М.И. Михельсон утверждал, что известная русская пословица «подложить свинью» восходит к «старому военному» термину, означающему «строй клином... для пролома рядов, для нападения»¹. Подобная интерпретация транслируется и школьными учебниками истории: «Рыцари построили свои войска в форме

клина (по выражению летописцев — «свиньей»). В центре находилась хорошо вооружённая и защищённая доспехами пехота, на флангах — тяжёлая конница»².

Боевой порядок под названием «свинья» упоминается в Новгородской первой летописи старшего извода лишь дважды: при описании Ледового побоища и Раковорской битвы³. Никаких подробностей о том, что представляет собой «свинья», летопись не сообщает. В ней нет указания на то, что это глубокая кавалерийская колонна или что в центре этого порядка находилась пехота, а по флангам конница. Более того, если из описания Ле-

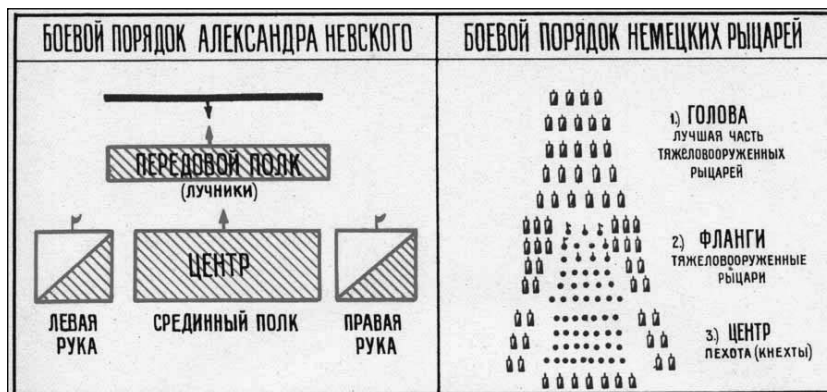
дового побоища можно предположить, что это смешанный строй пехоты и конницы, то из сообщения о Раковорской битве следует, что это способ построения только рыцарской кавалерии. Более поздние письменные источники лишь пересказывают версию новгородского летописца.

Впервые о том, что «свинья» — это «острая колонна», писал Н.М. Карамзин⁴. Вслед за ним данную трактовку повторяет С.М. Соловьёв⁵. Следует отметить, что их предшественник В.Н. Татищев, который не был только кабинетным учёным, в своей «Истории Российской» не расшифровывает значение летописного терми-

на «свинья». Очевидно, историк, который в молодости служил поручиком в драгунском полку и участвовал в Полтавской битве и Прутском походе Петра I, на личном опыте знал, что конница не может атаковать «острой колонной». При этом классики отечественной исторической науки не утверждали подобно своим современным коллегам, что «свинья» — это совместный строй пехоты и кавалерии, в котором пешие воины находились в центре, окружённые всадниками.

Доступные российским исследователям XIX века зарубежные первоисточники по истории Прибалтики (Ливонская рифмованная хроника, Ливонская хроника Генриха), подробно описывающие тактику орденского войска, не содержат сведений о подобном способе ведения боя. Таким образом, укоренившаяся в отечественной историографии версия о «свинье» как о построении рыцарской конницы «острой колонной», или «клином», не подкреплена фактически. Она не только является умозрительной, но и противоречит здравому смыслу.

Узкое построение неизбежно ведёт к окружению, т.к. противник вынужден будет обойти его с флангов. В таком построении в бою могут принять участие лишь несколько воинов переднего ряда, остальные не только будут бессильны помочь, но и создадут определённую помеху, напирая на авангардные силы. Скорость всадников окажется равной темпу самого медленного пехотинца. Вследствие чего конница потеряет своё главное преимущество — манёвренность и возможность таранного копейного удара, сила которого прямо пропорциональна скорости движения всадника. Сама же пехота, включая лучников, которые призваны вести обстрел врага, не будет иметь возможности при-

Типичная для отечественной историографии схема построения войск в Ледовом побоище

нять участия в сражении и окажется абсолютно бесполезной. При этом всадники, и особенно рыцари, — наиболее ценная боевая единица и социальная элита феодального общества, первыми окажутся под ударом противника, прикрывая собой пехоту, состоящую из социальных низов.

Следует отметить, что идущее от Карамзина представление о «свинье» не разделяли историки, знакомые с европейскими первоисточниками, и специалисты в области военного искусства, которые даже теоретически не рассматривали возможность конной атаки колонной. Одна из наиболее ранних работ, опровергающих гипотезу Карамзина, — «Атлас к краткому курсу истории военного искусства в средние века» П.А. Гейсмана, согласно которому боевой строй рыцарей представлял собой не колонну, а линию⁶.

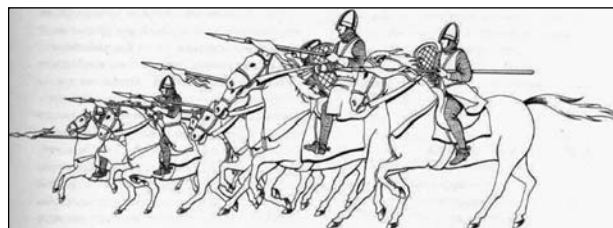
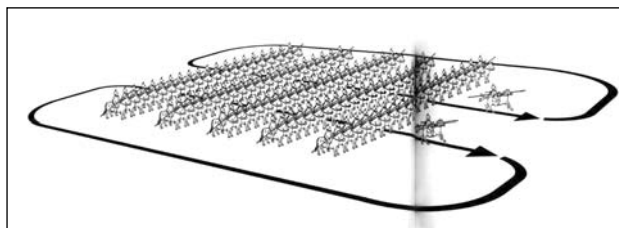
Генерал-майор царской армии (впоследствии красный комдив), участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн А.А. Свечин, описывая тактику рыцарского войска, пришёл к выводу, что кавалерийская колонна клином предназначалась только для сближения с противником. «Эта колонна, без какого-либо порядка и без команды, раз-

вёртывалась в обе стороны для одиночного боя. Нормально в бою рыцари действовали в одной шеренге с интервалами между рыцарями («рыцарь не должен служить щитом для рыцаря»)»⁷.

Эту же трактовку тактики рыцарской конницы воспроизводит исследователь истории оружия М.В. Горелик, по мнению которого, «давно известно, что коннице водить в колоннах очень выгодно, так как в этом случае лучше всего сохраняется сила её массивного, таранного удара. Это не столько боевое, сколько походное построение — когда «клин» врезается в ряды противника, воины, едущие в задних рядах, немедленно «разливаются» в стороны, чтобы каждый всадник не топтал передних, но в полную меру проявил свои боевые качества, равно как и качества коня и оружия»⁸. Таким образом, по версии Горелика, конная колонна сохраняла строй до самого столкновения и только после этого развёртывалась в линию.

Согласно трактовке Д.Э. Харитоновича походный строй перестраивался в линию в самом начале кавалерийской атаки, а не во время неё: «Битва началась с атаки тяжёловоружённых всадников, во время которой походный строй рассыпался, пре-

Идеальное построение рыцарской конницы и копейная атака рыцарской конницы лавой

Конный рыцарь [Гартман фон Ауэ] с копьём
Манесский кодекс, около 1300 г.

вращаясь в беспорядочную цепь конницы, скакавшей не очень быстрым аллюром; этой же атакой бой и заканчивался»⁹.

За последние четверть века на русский язык было переведено множество работ западноевропейских медиевистов. В них можно найти подробное описание тактики рыцарской кавалерии. Но ни в одной не встречается

описание её построения глубокой колонной. Однако, несмотря на то, что литература по европейской медиевистике стала доступна российским исследователям, в отечественной историографии не делается попыток опровергнуть ошибочное утверждение Карамзина о «глубокой колонне» и объяснить, что же в действительности летописец называет «свиньей».

Попробуем внести ясность в этот вопрос. Тактика ведения боя рыцарской кавалерией обуславливалась особенностями вооружения рыцаря. Главным его ударным оружием к XII веку стало длинное и тяжёлое копье, предназначенное не для колющих, а для таранных ударов. Если ранее оно имело в среднем диаметр 3,3 см и длину не более 4 м, то позднее появились копья диаметром 4,5 см и длиной до 5 м¹⁰. При этом вес оружия достигал 15—18 кг¹¹. Данные обстоятельства привели к изменению способов боевого применения: «Теперь рука не разит, а лишь направляет копье в сторону противника, а сила удара зависит не от силы руки, а от массы и скорости всадника, а также его способности удержаться в седле после удара». Тяжёлое и длинное копье, предназначенное

для таранных ударов, невозможно было удержать одной рукой, и его придерживали всем корпусом, зажав древко под мышкой¹².

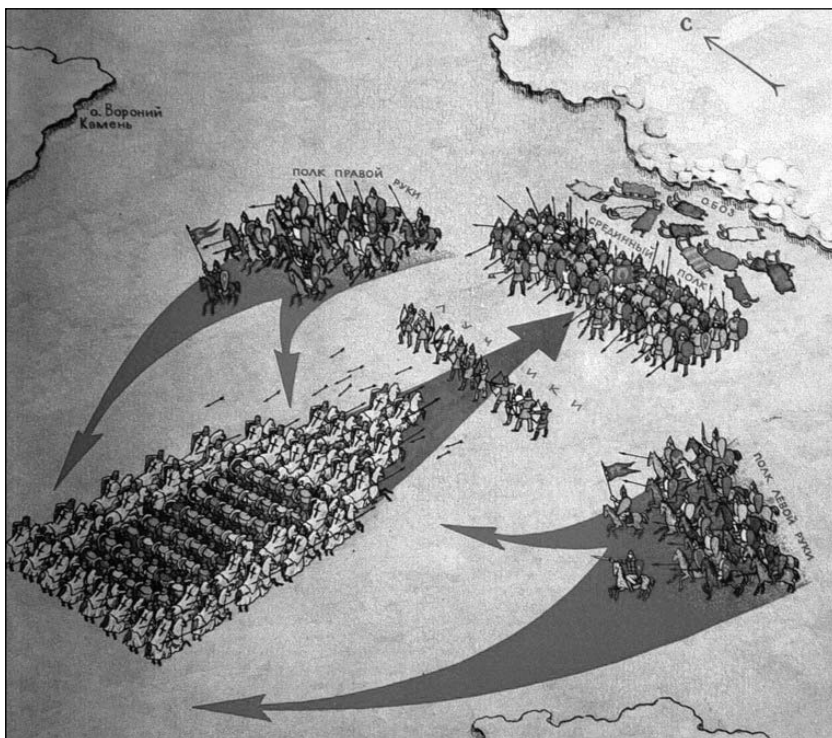
Тактика тарана, усиленного тяжестью доспехов и весом лошади, умноженных на скорость движения, стала возможной благодаря изобретению стремени и усовершенствованию седла, которые позволяли всаднику наносить удар, не рискуя слететь с коня. Чтобы при отдаче от удара на полном скаку самому не быть выбитым, рыцарь держал копье наперевес в горизонтальной плоскости, откидываясь на высокую заднюю луку седла, охватывавшую стан всадника, при этом вытянутыми ногами упирясь в стремяна. Для того чтобы достигнуть большей таранной силы удара и не выронить копье из рук, всадник в момент атаки упирал вток копья в переднюю часть седла¹³.

По мнению Ж. Флори, такой метод боя стал «настоящей революцией», которая «окончательно отделила рыцарство от остального воинства, выделило из общей массы воинов тех, кто сражался на новый, особый, очень специфичный манер, кто составлял в совокупности своей воинскую элиту»¹⁴. «На протяжении всего Средневековья копье оставалось исключительно рыцарским оружием: никто, кроме рыцарей, не был в состоянии им владеть, а с другой стороны, невозможно и представить себе рыцаря, который не дал бы себе труда обучиться владению им»¹⁵. Именно поэтому Флори полагает, что рыцарь — это не социальный, а профессиональный признак, и рыцарем следует называть любого всадника, который атакует таранным ударом копья¹⁶.

Мечи же стали использоваться больше как вспомогательное оружие. Об этом свидетельствует описание рыцарских поединков в «Песне о Роланде»: из упомянутых в ней сорока четырёх схваток с применением копий одержана победа в тридцати одной, и в этом смысле «Песнь о Роланде» — это песнь о копье»¹⁷.

Метод ведения рыцарем боя копьем многократно описан в средневековой литературе. «В тысячный раз повторялся один и тот же рассказ: вот рыцарь перемещает свой щит с левой руки на

Так, по мнению отечественных историков, выглядело построение «свиньей» (клином)

грудь перед собой, отпускает повод, даёт коню шпоры, потрясает своим копьём, потом опускает его, зажимает его древко под своей рукой, “выбирает” своего противника и устремляется на него на всём скаку»¹⁸.

«Постоянство этих описаний в эпосе XII века и некоторый иконографический материал конца XI века наводят на мысль о том, что этот метод атаки быстро распространился на Западе в конце XI — первой четверти XII века»¹⁹.

Таким образом, к середине XIII столетия атака, в которой противника поражали на полном скаку горизонтально опущенными копьями, была основным методом боя рыцарской кавалерии.

На Руси такой способ не получил широкого распространения, поскольку основным противником наших предков была лёгкая кавалерия степняков и литовцев, против которой так воевать было невозможно. Юркий всадник легко уклонялся от таранного копейного удара и нападавал с боку, используя меч или саблю, или обстреливал противника из лука. Такой атаке всадник с тяжёлым оружием ничего не мог противопоставить: одной рукой он придерживал и направлял на противника копьё, другой управлял лошадьё. С такой же проблемой столкнулись европейские рыцари и во времена Крестовых походов, когда их противником стала лёгкая кавалерия арабов.

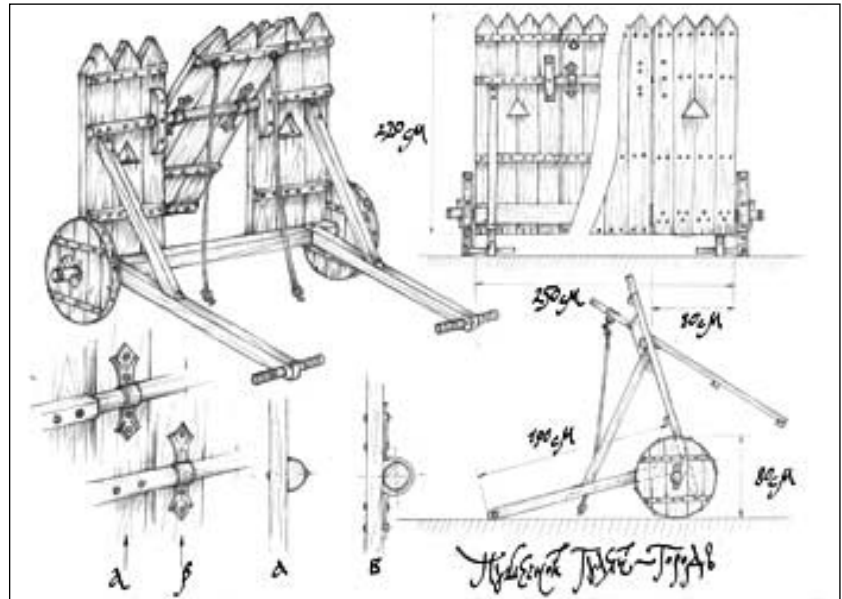

Схема передвижного полевого укрытия

Для того чтобы максимально реализовать преимущества таранного удара копьём, строй рыцарей должен был быть не узким и глубоким, а широким, а широким, а широким, что позволяло атаковать с максимальной силой, одновременно обрушивая на противника удар всей массы всадников. Именно так его описывает норманнский хронист Амбруаз: «Строй боевой их был широк и силён»²⁰. Поэтому на поле боя «кавалерия выстраивалась по вытянутой линии на весьма небольшую глубину, вероятно, в три или четыре ряда»²¹. До самого удара всадники «бес-

престанно пускают в ход шпоры, наращивая скорость бега своих коней с тем, чтобы столкновение достигло наивысшей силы. Никто не должен вырываться вперёд: слитность движения отряда как единого целого — абсолютное условие успеха»²². Но после удара всадник со своим длинным и тяжёлым копьём, сила удара которым зависит от скорости его движения, теряет преимущество в ближнем бою. Поэтому, нанеся копейный удар на полном скаку, рыцари должны были или бросить копьё и взяться за мечи, или под прикрытием

«Военные машины» начала XIV в.

Миниатюры из манускрипта «Беллифортис» («Bellifortis») немецкого инженера Конрада Кизера (Konrad Kyeser)

Немецкие рыцари начала XIII в.

Миниатюра из манускрипта Генриха фон Фельдека «Энеида» (Heinrich von Veldeke. «Eneit»)

атаки следующего ряда выйти из непосредственного контакта с противником и, сделав полукруг, восстановить линию, для того чтобы вновь нанести в плотном строю таранный удар²³.

Идеальное боевое построение при таком методе ведения боя должно было быть таким: конница строится несколькими рядами, которые обрушиваются на противника один за другим. После удара первая линия разъезжается, давая место для атаки следующей за ней, и перегруппировывается в тылу для повторного удара²⁴.

Следует отметить, что если число рыцарей на поле боя было несколько десятков, то атаковавшая стрема к стремени шеренга всадников растягивалась по фронту всего лишь на сотню метров. Чтобы не допустить окружения в момент атаки и во время выхода из неё для перестроения, за рыцарями должна была двигаться вытянувшаяся по всей линии фронта пехота. Если она покидала поле боя, как летописная чужь во время Ледового побоища, которая «даша плеща»²⁵, то после копейной атаки связанные ближним боем и не прикрытые с

тыла рыцари оказывались в окружении и, потеряв своё главное преимущество, были обречены на поражение от пехоты и лёгкой кавалерии противника.

Представим себе, что произошло бы, если бы копейная атака всадников осуществлялась глубоким строем, как об этом пишут Карамзин и его последователи. Когда первый ряд всадников достигает противника, его скорость в результате отдачи от удара копьем резко замедляется. Но следующие ряды продолжают двигаться, не снижая скорости. Очевидно, что последствия этого будут такие же, как на автостраде, когда впереди едущий автомобиль резко тормозит, а следующие за ним не успевают сбросить скорость. Разница будет заключаться в том, что лошади из инстинкта самосохранения сделают всё возможное, чтобы избежать столкновения. Они попытаются отвернуть в сторону (что при плотном построении будет невозможно) или станут на дыбы. Что произойдёт в этот момент с глубоким строем всадников? Кто-то не сможет удержаться в седле. Кто-то заденет своим длинным копьем соседа или его лошадь. Неминуемо начнется хаос и давка. Таким образом, подобное построение несёт большую опасность не противнику, а самим нападающим. Поэтому конница, особенно рыцарская, никогда не атаквала в таком экзотическом строю, придуманном отечественными историками. Её боевым порядком была линия.

Битва при Форбии 1244 г.

Миниатюра из манускрипта «Большая Хроника» («Chronica Majora») Матвея Парижского (Matthew Paris), середина XIII в.

По мнению зарубежных медиевистов, атакующая лавой рыцарская конница была наиболее мощным средством поражения в Средние века, той ударной силой, которая наводила на противника «наибольший страх на поле боя»²⁶. Очевидно, что именно так атаковала тяжёлая кавалерия в сражении, вошедшем в отечественную историю под названием «Ледовое побоище».

Итак, «свиньей» новгородский летописец мог назвать построившихся в плотную линию (или несколько линий одна за другой) рыцарей, которые, нанеся на полном скаку таранный копейный удар, возвращались на исходную позицию для повторения атаки. Но, возможно, речь в летописи идёт не о построении всадников, а о передвижном полевом укрытии, которые широко применялись в то время в Западной Европе. Например, об использовании таких сооружений сообщает Гильем Тудельский, называя их «кошками» и «котами»²⁷. Одно из известных по европейским источникам названий этих передвижных укреплений — «свинья»²⁸.

В основном подобные укрытия упоминаются при описании осадных действий. Так, для осады Тулузы в 1218 году крестоносцы использовали «кошку», «которую "Песнь об Альбигойском крестовом походе" сравнивает с опасным чудовищем. Она служила защитой для 400 рыцарей и 150 лучников»²⁹. Но следует учитывать, что войны Средневековья по большей части состояли не из открытых битв, а из осад замков и городов. К примеру, в ходе Альбигойского крестового похода (1209—1229 гг.) вообще не было полевых сражений. Можно предположить, что такие передвижные укрытия применялись и в полевых боестолкновениях. Тем более что простейшие из них представляли собой укрепленные на подвижной раме деревянные щиты, нужное число которых за короткое время можно было соорудить непосредственно перед битвой прямо на поле боя. Особенно актуальным такое полевое укрытие было в Прибалтике, где рыцарям приходилось сражаться с противником, намного превосходившим их по численности. К примеру, со-

Рыцари атакуют

Миниатюра из средневекового манускрипта XIII в.

гласно Ливонской хронике в сражении, которое отечественная историография отождествляет с Ледовым побоищем, соотношение сторон было 1 к 60³⁰.

Можно предположить, что ливонцы во время Ледового побоища приближались к русским дружинам под прикрытием таких укрытий, которые летописец называл, буквально переводя их название с немецкого на русский, «свиньей». Таким образом, утверждение отечественной историографии о том, что «свинья» — это предназначенное для атаки с целью рассечения вражеских рядов клиновидное построение конницы, в центре которой находилась пехота, ошибочно и опровергается фактической информацией, аккумулированной современной исторической наукой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний. Т. 2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. СПб.: Тип. Ак. наук, 1903. С. 224.
² Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. С древнейших времён до конца XVI века. 6 класс. М.: Просвещение, 2012. С. 118.
³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Л.: Академия наук СССР, 1950. С. 79, 87, 88.
⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. СПб.: тип. Грича, 1819. С. 30.
⁵ Соловьёв С.М. Сочинения. Т. 3—4 М.: Мысль, 1988. С. 150.
⁶ Гейсман П.А. Атлас к краткому курсу истории военного искусства в средние века. СПб., 1893. С. 3.

⁷ Свечин А.А. Эволюция военного искусства: В 2 т. М.; Л.: Госиздат, 1927—1928. Т. 1. С. 100.

⁸ Горелик М.В. О Бальмунге, Дюрендале и их хозяевах // Вокруг света. 1975. № 8. С. 39.

⁹ Харитонович Д.Э. Война в средние века. Человек и война: Война как явление культуры: Сб. статей. М.: АИРО—XX, 2001. С. 39.

¹⁰ Бехайм Вендален. Энциклопедия оружия (Руководство по оружейведению. Оружейное дело в его историческом развитии от начала средних веков до конца XVIII в.). СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 1995. С. 230.

¹¹ Флори Жан. Повседневная жизнь рыцарей в средние века. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 122.

¹² Там же. С. 113.

¹³ Бартелеми Доминик. Рыцарство: От древней Германии до Франции XII в. СПб.: Евразия, 2012. С. 348.

¹⁴ Флори Жан. Указ. соч. С. 114.

¹⁵ Там же. С. 122.

¹⁶ Там же. С. 136.

¹⁷ Росс Д.А. L'originalite de «Turolodus»: Le maniment de la lance // Cahiers de civilisation médiévale. 1963. № 6. P. 136.

¹⁸ Флори Жан. Указ. соч. С. 114.

¹⁹ Там же. С. 115.

²⁰ Мэттью Беннет, Джим Брэдбери, Келли де-Фрай, Йен Дикки, Филлис Джестайс. Войны и сражения средневековья 500—1500. М.: Эксмо, 2006. С. 104.

²¹ Контамин Филипп. Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001. С. 249.

²² Флори Жан. Указ. соч. С. 115.

²³ Там же. С. 147.

²⁴ Мэттью Беннет, Джим Брэдбери, Келли де-Фрай, Йен Дикки, Филлис Джестайс. Указ. соч. С. 87.

²⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 79.

²⁶ Мэттью Беннет, Джим Брэдбери, Келли де-Фрай, Йен Дикки, Филлис Джестайс. Указ. соч. С. 89.

²⁷ Гильем Тудельский. Песнь об Альбигойском крестовом походе. М.: Квадрига, 2010. С. 165, 301.

²⁸ Контамин Филипп. Указ. соч. С. 118.

²⁹ Там же.

³⁰ Ливонская рифмованная хроника. Atskanu hronika. Riga: Zinatne, 1997. Стих 2250. ■